

Ю.С. Худяков

**О СИМВОЛИКЕ СТРЕЛ ДРЕВНИХ
И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ***

Стрела – метательный снаряд, предназначенный для поражения цели на расстоянии с помощью выстрела из лука. Данному снаряду свойственны две основные функции – аэродинамическая, благодаря которой он за короткий отрезок времени преодолевает значительное расстояние по воздуху, сохраняя устойчивость в полете, и проникающая, за счет которой обеспечивается эффект поражения намеченной цели. Лук и стрелы были основным орудием охоты и оружием у многих народов мира со времени своего изобретения в эпоху мезолита и до того как были вытеснены и заменены огнестрельным оружием (позднее средневековье и новое время). У древних и средневековых кочевников Центральной Азии они служили основными видами оружия дистанционного боя со времени освоения на рубеже раннего железного века верховой езды и распространения тактики рассыпного строя в конном бою¹.

Важная роль лука и стрел в военных действиях и охоте способствовала их знаковой функции в качестве символов или атрибутов власти, дипломатии, религиозных культов и обрядов в культурах древних и средневековых кочевников.

К анализу символического значения луков и стрел в культурах разных народов Северной Евразии², в том числе кочевников, обращались многие отечественные исследователи: археологи, этнографы, фольклористы.

Некоторых аспектов этой темы коснулся Н.И. Веселовский. Он считал, что стрелы средневековых кочевников, имевшие символическое значение, разделялись на властные и курьерские³. Первые символизировали полномочия, вручаемые верховным властителем своим наместникам и вассалам, вторые – полномочия, которыми наделялись посланники, выполнявшие дипломатические поручения кочегого владыки. “Отсюда, кажется, понятно, – писал Н.И. Веселовский, – почему изображение стрелы могло появиться на пай-цзы, которые, по-видимому, уже при Гиньской династии стали выполнять функции, принадлежавшие прежде стрелам”⁴. Он полагал, что у кочевников стрелы служили верительными знаками дипломатов до того, как в начале XII в. на Дальнем Востоке воцарилась чжурчженьская династия Цзинь. Н.И. Веселовский отрицал наличие у разных народов представлений об “одушевленных” стрелах. Он утверждал: “Стрела, как острый колющий предмет, подобно иглке, ножу, топору, сабле, мечу, копыю, а также колючему растению, наводит страх на злого духа. В этом единственно и заключается свойство стрелы и ее значение в обрядах, ничего другого в ней нет, ни человеческой души, ни плодородия, ни тем более любви, один только страх”⁵. Использование стрелы в обрядах Н.И. Веселовский связывал с охранительной функцией, отверствиям в некоторых наконецниках стрел он не придавал какой-либо символической функции. Отрицая предположение, что эти отверстия могли служить для пропитывания стрелы ядом, ученый высказался в пользу мнения, что такие отверстия могли вызывать при полете свист⁶. Это предположение было связано с сигнальным назначением некоторых стрел. Оно основывалось на сведениях китайских источников о хуннах: в них изобретение стрелы-свистунки приписано шаньюю Модэ⁷. Однако, как было установлено В.Г. Карцовым в ходе экспериментов, проведенных в 1920-х годах, стрелы с отверстиями в лопастях не издают свиста в полете⁸.

Представление о свистящей, сигнальной или морально подавляющей противника функции стрел закрепилось в историко-археологической литературе за теми нако-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 01-01-00289).

нечниками, которые были снабжены костяными шариками с отверстиями. Такие стрелы, появившиеся у кочевников в хуннское время⁹, продолжали использоваться номадами вплоть до этнографической современности. Однако, некоторые костяные шарики на древках стрел не имели отверстий и не могли издавать свиста в полете; они служили муфтами, соединявшими торцевую часть древка с черешком наконечника¹⁰.

Как было отмечено Е.В. Черненко, отверстия в скифских бронзовых стрелах (которые по предположению Н.И. Веселовского предназначались для свиста) возникают при недостаточно точной центровке стержня, вставляемого в литейную форму для образования втулки¹¹.

В последние десятилетия минувшего века исследователями обращено особое внимание на символическое значение стрел. Важным источником для изучения данной темы служат материалы фольклора тюркских и монгольских народов.

Сведения о луках и стрелах в произведениях хакасского фольклора были проанализированы В.Я. Бутанаевым. Им отмечены различные формы, названия и назначение стрел, выделены мифические “глазастые” и “волшебные” стрелы, способные не только поражать врагов, но и исцелять воинов от ран¹².

Разные типы луков и стрел, упоминаемых в алтайском эпосе, описаны В.И. Соеновым¹³. Бурятские стрелы, известные по этнографическим и фольклорным материалам, охарактеризованы В.А. Михайловым¹⁴. Все исследователи при анализе фольклорных сведений сопоставляют их с археологическими находками.

В обобщающей работе Р.С. Липец подчеркнуто, что в эпических повествованиях для описания оружия богатырей, в том числе луков и стрел, характерна гиперболизация их реальных форм, размеров и функциональных свойств¹⁵. Отмечено также, что помимо своего основного назначения, стрелы в эпосе иногда предстают в качестве послания или средства доставки письма адресату¹⁶.

Археологами обращено внимание на знаки или метки на стрелах в культурах древних и средневековых кочевников на территории Саяно-Алтая, Монголии, Забайкалья, Восточного Казахстана. Одни исследователи считают подобные знаки, нанесенные на грани костяных наконечников стрел, применявшихся населением Западной Сибири и Горного Алтая в скифское время, “явными знаками собственности”¹⁷. Другие ученые, исходя из того, что в Горном Алтае в памятниках пазырыкской культуры наконечники стрел с разными знаками-метками найдены в одном погребении, а стрелы с одинаковыми метками – в разных могилах на одном или нескольких могильниках, придерживаются мнения, что “знаки эти можно считать символами родовой или этнической принадлежности”¹⁸.

На сохранившихся деревянных древках стрел и их моделях в памятниках кокельской и древнетюркской культур в Туве С.И. Вайнштейном отмечены цветные пояски-метки¹⁹. Подобная раскраска служила для безошибочного распознавания наконечника, когда стрелы хранились в колчанах закрытого типа, наконечниками вниз, оперением вверх²⁰.

Автором настоящей статьи были проанализированы наконечники редкой формы, относящиеся к эпохе развитого средневековья. Один из них происходит из Забайкалья. Он имеет двухлопастное сечение, обособленный боек, широкие крылья с фигурными вырезами и завитками, украшенными чеканным орнаментом²¹. Другой, серебряный, наконечник с полой головкой, отверстиями и ступенчатыми лопастями был найден на памятнике Часовенная Гора под Красноярском²². Автором настоящей статьи было высказано предположение, что это “символическая” стрела, аналогичная древнетюркским стрелам “с золотым копьездом и восчанною печатью”, служившая пай-цзой²³.

Ю.А. Плотников рассмотрел вопрос о назначении отверстий в лопастях стрел. Проанализировав большое количество различных вариантов оформления прорезей на лопастях наконечников стрел, он пришел к выводу, что наконечник с отверстиями символизировал “шайтанскую рожу” – тамгообразный знак, распространенный у

разных народов Сибири. Знаки на стрелах изображали личину антропоморфного мифологического персонажа. Стрелы с такими изображениями воспринимались как одушевленные, что должно было увеличивать их убойную силу, вместе с тем они часто использовались для передачи различных посланий. В Сибири подобные стрелы в качестве сигналов к военным действиям применялись вплоть до нового времени²⁴. Например, известно, что хан Кучум, получив сообщение о приходе отряда Ермака, разослал своим подданным “вместо царских грамот стрелы свои золоченые”, которые служили знаком мобилизации всех военных сил²⁵. Подобным образом поступила и вдова кодского князя Игичея, Анна, которая послала своим бывшим подданным в качестве знака, призывающего к восстанию, “изменную” стрелу, на которой были “нарезаны одиннадцать шайтанов с рубежи, а поперек шайтаны резаны, и железо стрельное стерто”. Сведущие служилые люди пояснили властям, что и до кодской княгини “такие стрелы ходили промеж остяков для измены”²⁶.

Довольно своеобразную трактовку семантики лука и стрел в мифологии многих народов Евразии и объяснение находок стрел в пещерах, гротах и скальных нишах дал в своих публикациях И.Л. Кызласов²⁷. Его гипотеза о символике стрел и выстрела из лука по пещере во многом опирается на высказанное им ранее предположение о том, что в мифологии многих народов “плодоносящая гора воспринималась как некое женское естество”, а горная пещера как “детородный орган священного каменного чрева”²⁸. К такому заключению ученый пришел на основе анализа некоторых сюжетов хакасского фольклора и находок в одной из бирюсинских пещер “os renis медведя и собаки” и их имитаций, которые, по его мнению, являются свидетельствами “каких-то происходивших в них (пещерах. – Ю.Х.) обрядов, обозначающих акт оплодотворения горы, совершаемый с использованием символов мужского производящего начала”²⁹.

В своих последующих работах И.Л. Кызласов развил высказанное предположение: стрела является символом “активного оплодотворяющего мужского начала”, а ритуальная стрельба по карстовым полостям означала “плодородное соединение мужского и женского начал”³⁰. Ритуал оплодотворения пещер с помощью выстрелов из лука должен был стимулировать биологическую плодоносящую деятельность “находящегося в горных недрах центра”, от которого зависела численность населения, поголовья диких животных и домашних стад³¹. Эти представления о стреле, как символе “мужского оплодотворяющего начала”, а выстреле из лука, как символическом “акте оплодотворения”, по мнению И.Л. Кызласова, имеют универсальный характер и восходят к эпохе палеолита, когда мужскую потенцию символизировало копьё или дротик³². А в последующие “незапамятные времена” выстрел из лука “мог символизировать собой акт, необходимый для зарождения новой жизни и был наполнен жизнеутверждающим содержанием”. Выстрел в священную родовую гору или ее пещеру приравнивался “древними людьми к оплодотворяющему соединению женского (горное нутро) и мужского (проникающая стрела) начал. До появления лука так же расценивался и бросок копья или дротика”³³. Согласно предложенной реконструкции в подобных обрядах участвовали все взрослые мужчины, а сам обряд носил соревновательный характер и породил традицию воинских и спортивных состязаний³⁴. Некоторые из этих состязаний, например, стрельба в кольцо – “один из наиболее распространенных знаков женского детородного органа”, по оценке автора, восходит к “уже знакомой пещерной символике”³⁵. В пережиточном виде подобная “мужская оплодотворяющая символика” стрел сохранилась в мифологии и свадебных ритуалах многих народов. К таким символам автор относит “стрелы любви” Амура; обычай поднятия покрывала с лица новобрачной с помощью символической стрелы или “расстреливания” ее камушками; символическую замену жениха стрелой; втыкание стрелы в опорный столб или по углам жилища³⁶. К аналогичным представлениям у некоторых народов, по мнению И.Л. Кызласова, восходит символика лука и стрел как атрибутов верховной, в том числе царской власти. Здесь лук олицетворял женское, а стрела – мужское начало, но при этом лук выражал идею

господства, а стрела – вассальной покорности³⁷. В своих предположениях названный автор опирается на некоторые суждения специалистов по изучению мифологии разных народов³⁸.

Во многом созвучны с выше указанным интерпретации некоторых петроглифических сюжетов на памятниках Горного Алтая в оценке специалистов по этнографии алтайцев, изучавших наскальные рисунки³⁹.

Не отвергая, в принципе, предположений, высказанных в отношении символики стрел исследователями, касавшимися данной темы, необходимо отметить, что эти суждения достаточно уязвимы и не доказаны в должной мере, а этнографические материалы могут трактоваться иначе⁴⁰.

Предположение о том, что реконструированный коллективный обряд “расстреливания” пещер с целью их “оплодотворения” имел универсальный характер, был повсеместно распространен в древности и в трансформированном виде просуществовал со времени верхнего палеолита до этнографической современности, нуждается в серьезных доказательствах. Ю.Ю. Шевченко, проанализировавший “символику пещер”, высказал предположение, что стрельба по пещерам восходит ко времени вытеснения из мест обитания пещерных хищников в эпоху палеолита⁴¹.

Результаты изучения культурных напластований в пещерных памятниках Евразии неопровержимо свидетельствуют, что карстовые полости в разные исторические периоды служили различным целям. В эпоху палеолита многие пещеры и гроты выполняли функции жилья или временных укрытий. В процессе изучения голоценовых отложений в Денисовой пещере в Горном Алтае было установлено, что в эпоху ранней бронзы ее полость использовалась для содержания скота, а в последующие периоды для различных хозяйственных нужд⁴².

Использование пещер в ритуальных целях также не было одинаковым во все времена: нередко в них совершались ритуальные подношения. Например, в Айдашинской пещере, которая, по мнению И.Л. Кызласова, является характерным памятником культа “оплодотворения” горы стрелами с эпохи неолита, к этому периоду относится всего несколько находок. Среди них преобладают подвески, в том числе две зооморфные, кремневый же наконечник стрелы – только один⁴³. Находок эпохи бронзы в этой пещере нет. Основная масса вещей относится к кулайской и тагарской культурам раннего железного века и хуннского времени. Преобладают среди них костяные наконечники стрел. Реже встречаются бронзовые стрелы. Среди находок имеются бронзовые зооморфные бляхи, округлые бляшки, кольца, пронизки и другие предметы, которые никак не соответствуют гипотезе “оплодотворения” пещеры стрелами. Исследователи справедливо относят этот памятник к числу жертвенных мест кулайской культуры⁴⁴. Практика ритуальных стрельб по пещерам, видимо, получила распространение в Саяно-Алтае в скифское время и продолжалась в хуннский период и эпоху средневековья вплоть до этнографической современности⁴⁵. Однако и в это время пещеры служили для разных видов ритуальных подношений духам гор или душам мольдичей. Например, у хакасов душам девочек дарили коралловые бусы, а душам мальчиков – стрелы. У алтайцев одно из названий пещер означало “рот земли”, а вовсе не “лоно горы”. Такие пещеры считались входом в подземный мир, к его хозяину Эрлику⁴⁶.

Ритуальная стрельба из лука далеко не всегда ассоциировалась с “оплодотворением”. У тувинцев, например, такая стрельба во время празднеств считалась очищением от “грязи и грехов”⁴⁷.

Предложенное И.Л. Кызласовым совмещение ритуальных стрельб по пещерам и скальным плоскостям с рисунками или по поверхности горы⁴⁸ представляется недостаточно обоснованным и противоречивым. Если стрела являет собой “мужское оплодотворяющее начало”, а пещера – “символическое женское лоно”, то акт ритуальной стрельбы вполне оправдан. Но зачем стрелять в “гору-прародительницу”, у которой нет “лона” в виде пещеры? Рисунок из 8 стрел на скале Жалгыз-Тобе в Горном Алтае И.Л. Кызласов интерпретировал в духе реконструированных им “пред-

ставлений”⁴⁹. Однако, похожий рисунок стрел на горе Черной в Хакасии содержит и изображение животного, пораженного этими стрелами⁵⁰, что позволяет связать его с охотничьей магией.

Вероятно, стрелы в жертвенниках под петроглифами нужно считать именно подношениями духам гор, также как и другие найденные в них предметы⁵¹.

На первый взгляд, находки соответствующих костей и их имитаций в одной из Бирюсинских пещер подтверждают гипотезу И.Л. Кызласова⁵². Однако такое сочетание достаточно редко; никак не доказано, что объектом ритуала была именно пещера (к тому же она могла быть просто местом для проведения обряда) и почему исполнители обряда стали стимулировать размножение не промысловых животных, от поголовья которых зависели их жизнь и благосостояние, а медведей и собак?

Столь же противоречиво в изложении И.Л. Кызласова объяснение символики лука и стрел у тех народов, у которых они связаны с олицетворением верховной, в том числе, царской власти. Лук был символом царской власти у скифов, а ритуальная стрельба “подчиняла и упорядочивала окружающее пространство”. С этой символикой связаны и состязания по натяжению богатырского лука, и соревнования по стрельбе и ритуальная стрельба во все четыре стороны света. По мнению И.Л. Кызласова, лук олицетворял верховную власть, а стрела – вассальное подчинение, одновременно лук символизировал женское лоно, стрела – фаллос, а выстрел из лука – акт оплодотворения⁵³. На наш взгляд подобная интерпретация не совместима с патриархальными установками и противопоставлением мужской и женской символики в мировоззрении древних и средневековых кочевых народов степного пояса Евразии. Практика ритуальной стрельбы по пещерам, присутствие стрел в жертвенниках, использование стрел в свадебных обрядах у разных народов, стрелы как оружие божеств любви в религиозных представлениях имеют разное происхождение и семантику. Все многообразие символики стрел не может быть сведено только к магии плодородия, в той форме, как это трактуется И.Л. Кызласовым.

Некоторые из подобных представлений и обрядов могут относиться к охранительной магии. По нашему мнению, использование стрелы в свадебных ритуалах во многом связано с подобными представлениями. Это касается и обычая “расстреливания” невесты, и втыкания стрелы в опорный столб жилища или в четыре угла дома. Во всех таких обрядах предпочтительнее видеть проявления охранительной магии, действия по отпугиванию злых духов от невесты, которой предстоит продолжить род, или от жилища, в котором будет жить новая семья. Славянский обряд снятия покрывала с лица невесты во время свадьбы с помощью стрелы также вряд ли стоит уподоблять дефлорации или оплодотворению. Что касается стрел Амура или Эроса, то они, согласно античной мифологии, поражали не женские детородные органы, а сердца людей, причем обоего пола. В этих представлениях стрелы выступают как всепроникающие вестники любви, а не орудия воспроизводства населения⁵⁴.

Стрелы в жертвенниках и пещерах могли выполнять разную функцию. Они могли быть, как и любая другая вещь, пожертвованы или принесены в дар духам, хозяевам гор; могли выполнять роль послания этим духам; могли угрожать им или отпугивать их на выходе из преисподней. Обилие стрел в скальной нише в Камне Дыроватом или в вертикальной шахте Айдашинской пещеры может быть связано с труднодоступностью этих мест для человека, достичь которые можно было лишь с помощью “всепроникающих” стрел, способных преодолеть имеющиеся преграды и тем самым продемонстрировать возможности человека, вооруженного луком и стрелами.

Символическое значение стрел как высокоэффективного оружия дистанционного боя, вероятно, впервые проявилось еще в эпоху развитой бронзы, когда на вооружении кочевых племен, носителей культур эпохи ранней бронзы и андроновской культурной общности, впервые появились литые бронзовые втульчатые стрелы, на

которых иногда был нанесен елочный орнамент⁵⁵. Подобная орнаментация известна и на стрелах раннескифского времени. (Рис. 1, 1–5).

Подобная орнаментация наносилась и на проушины топоров, втулки кельтов, копий, рукояти кинжалов. По характеру изобразительных мотивов она имеет черты сходства с рисунками на щитах и защитных поясах воинов-колесничих эпохи поздней бронзы⁵⁶.

С освоением кочевниками верховой езды и конного боя в рассыпном строю их основным оружием поражения противника на расстоянии стали лук и стрелы. Именно с того времени, когда воины стали, прежде всего, конными лучниками, символическое значение данного вида оружия неизмеримо возросло. Не случайно, в этот период лук стал одной из инсигний царского достоинства у скифов, а стрела – у персов⁵⁷. По нашему мнению, и для персов и для скифов лук и стрелы символизировали оружие вообще, военную власть царя, символом которой выступало наиболее совершенное наступательное вооружение дистанционного боя начала раннего железного века. Хотя в археологической науке лук и стрелы традиционно рассматриваются как отдельные виды, в действительности это был один и тот же вид оружия, поэтому подразделять их на противостоящие друг другу символы – лук, как символ женского начала и верховной власти, и стрелу, как символ мужского начала и вассального подчинения, на материалах древних ираноязычных кочевнических культур скифского времени в степях Евразии вряд ли правомерно. О том, что лук и стрелы у скифов символизировали именно оружие как таковое и угрозу применения военной силы свидетельствует их присутствие в составе иносказательного вещественного послания скифских царей персидскому царю Дарию I Гистаспу, вторгшемуся в скифские земли со своим войском в конце IV в. до н.э. Это послание, согласно описанию Геродота, состоявшее из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел, исследователи истолковали как своеобразный ультиматум, в котором стрелы символизировали полное уничтожение войск Дария I Гистаспа⁵⁸. По другим сведениям, приведенным Ктесием, персы и скифы “послали друг другу луки; скифский лук оказался крепче. Поэтому Дарий обратился в бегство”⁵⁹. Очевидно, что в ходе войны скифам и персам вряд ли имело смысл обмениваться символами женского начала, а скифам отпирать своим противникам символические атрибуты мужского естества, в обоих случаях и стрелы и луки означали только одно – угрозу уничтожения в случае проявления непокорности или отказа добровольно уйти с захваченных земель.

На некоторых скифских бронзовых стрелах были нанесены различные знаки. По мнению Е.В. Черненко, это “довольно сложный узор”, однако назначение этих значков “остается неясным”. На одном наконечнике скифского типа из Олинфа имеется надпись “филиппо”, означающая имя⁶⁰. (Рис. 1, 6–15). На одной из лопастей савроматского наконечника стрелы изображена кибить сложносоставного лука⁶¹. (Рис. 1, 16). Бронзовые стрелы со знаками присутствуют в степном Алтае и в комплексах алдыбельской и саглынской культур скифского времени в Туве⁶². Бронзовые стрелы с орнаментом найдены в Монголии⁶³. (Рис. 1, 21–23). На костяных наконечниках стрел пазырыкской культуры Горного Алтая вырезаны резьбой различные изображения косых, перекрещивающихся, зигзагообразных, дуговидных фигур. Некоторые из них напоминают схематичное изображение кибити лука с настороженной стрелой. (Рис. 1, 24–29). По предположению А.П. Бородавского, это “знаки собственности”. В.А. Кочеев считает их тамгами⁶⁴. По данным Г. Парцингера, К.В. Чугунова и А. Наглера, на некоторых железных наконечниках стрел, найденных в кургане Аржан-2 скифского времени в Туве, есть золотая инкрустация⁶⁵.

Вероятно, наконечники стрел метили или украшали с разными целями. В отдельных случаях это могли быть имя или родовая тамга мастера или стрелка, в других – знаки, символически усиливающие убойное действие стрелы. К их числу можно отнести изображение кибити лука. Золотая инкрустация подчеркивала высокий социальный статус военного вождя. К скифскому времени относится традиция окрашивания древков стрел в красный или разные цвета⁶⁶. Если “золоченые” стрелы симво-

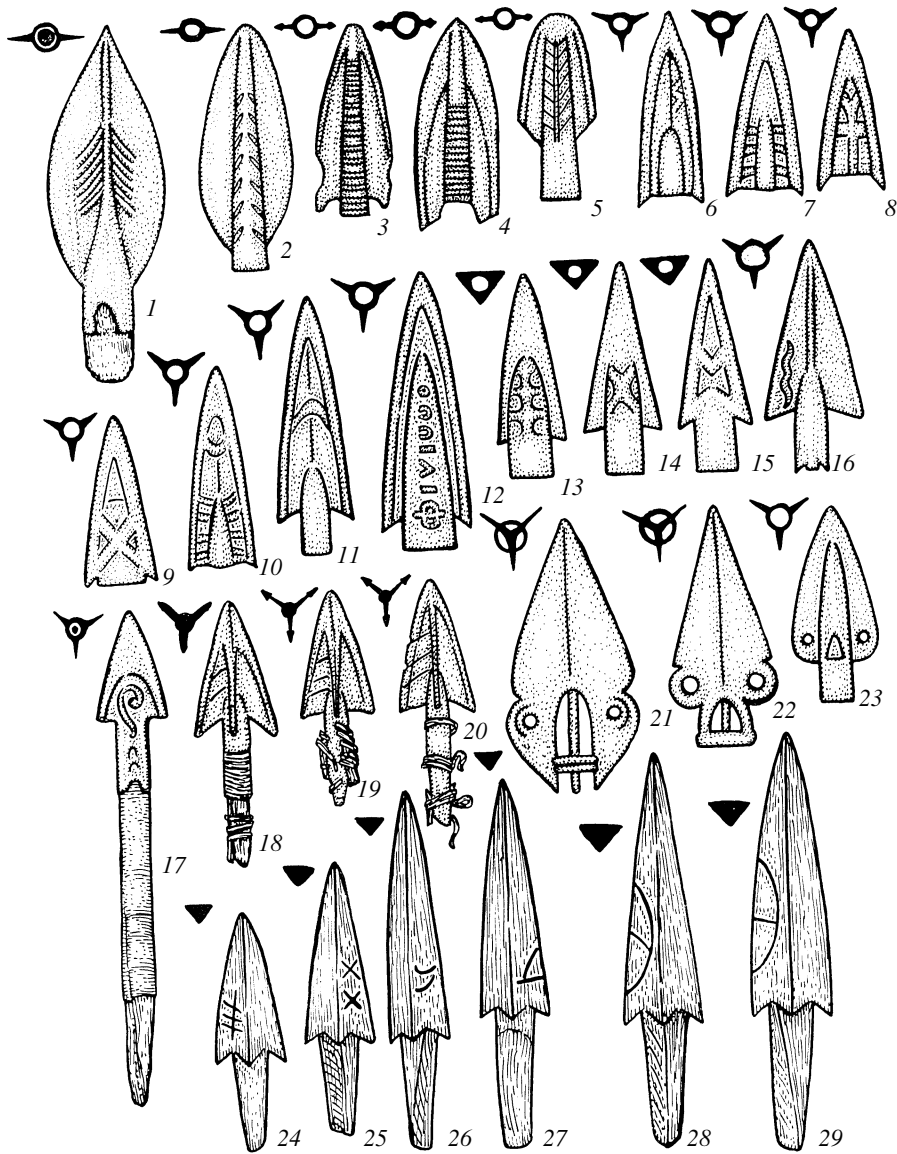

Рис. 1. Бронзовые и костяные стрелы древних кочевников со знаками: 1–4 – степной Алтай (1 – по Киришин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. Рис. 121–12; 2–4 – по Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. Рис. 2, 11, 14, 23); 5 – Восточный Казахстан (по Винокурова Е.И., Лысенко Ю.А. Охранные раскопки погребального комплекса около города Усть-Каменогорска // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000. Рис. 1–10); 6–16 – Северное Причерноморье (по Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981. Рис. 2–2; 75–1–4, 7–8, 11, 13); 17–20 – Тува (по Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. Рис. 2–11, 1; 4–11, 13–15); 21–23 – Монголия (по Волков В.В. Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР // Монгольский археологический сборник. М., 1962. Рис. 3–16–18); 24–29 – Горный Алтай (по Кочев В.А. Знаки на стрелах // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 58).

лизировали высшую военную и политическую власть кочевого правителя, то стрелы с обычными бронзовыми наконечниками – рядового конного воина-лучника, свободного члена кочевого объединения. Согласно легенде скифский царь Ариарант приказал своим воинам принести по стреле и отлить из них котел огромных размеров, чтобы убедиться, насколько велико его войско⁶⁷.

Стрелы, собранные в пучок, который нельзя сломать, в отличие от легко ломаемых отдельных древков, наглядно демонстрировали верность утверждения “в единстве – сила”. Легенда приписывает подобные действия скифскому царю Скилуру, который, опасаясь раздоров между своими многочисленными сыновьями, “перед кончиной предлагал каждому связку дротиков, приказывая переломить ее; когда же все отказались, он сам, вынимая дротики поодиночке, легко переломил все, объясняя сыновьям, что, действуя заодно, они останутся сильными, а разделившись и враждуя друг с другом, будут слабы⁶⁸. Подобный сюжет восходит ко времени широкого распространения лука и стрел в качестве основного оружия дистанционного боя в эпоху раннего железа. Он приобрел характер “бродячего” сюжета и известен у тюркских и монгольских кочевников периода раннего средневековья.

Изобретение сигнальных стрел-свистунок с костяными шариками и отверстиями, издающими в полете свист, способствовало появлению иного символического значения у таких стрел. Согласно легенде наследник престола хуннского шаньюя использовал эти стрелы для воспитания своих воинов в духе беспрекословного подчинения. Всем, кто пустит стрелу “не туда, куда свистунка летит, отрубят голову”⁶⁹. В качестве объектов для стрельбы он поочередно выбирал своего коня, “любимую жену”, коня своего отца, правящего шаньюя Туманя, пока не добился от своих воинов полного послушания, и смог направить стрелу в отца, убить его, совершить переворот, казнить мачеху и брата и захватить власть⁷⁰. Свистунка стала своего рода символом преданности воинов военному вождю.

В хуннское время кочевые племена Саяно-Алтая раскрашивали кибиты луков и древки стрел в красный и черный цвета, обертывали древки полосками золотой фольги⁷¹. Помимо основного функционального назначения, о котором уже упоминалось ранее, пояски раскраски на древках имели и символическое значение – по представлениям древних кочевников они усиливали действие стрелы.

В эпоху раннего средневековья у древних тюрков стрела с “золотым копьцем и восчаной печатью” использовалась в качестве верительного знака посла⁷².

У западных тюрков стрела символизировала власть над одноименной воинской и административной единицей. Каган раздавал своим военачальникам по стреле в знак предоставления им властных полномочий для управления каждым из десяти подразделений (“стрел”), на которые делилось все мужское население⁷³. Стрелы вошли в название народа и государства – *он ок будун* – “народ десяти стрел” и *он ок эли* – “государство десяти стрел”. Подобной символикой, хорошо понятной западным тюркам, воспользовался и китайский император, когда вознамерился сместить западнотюркского кагана Чуло-хана и заменить его Шегуй-ханом. “Император потребовал бамбуковую стрелу с белым пером, чтобы подарить Шегую; и при сем случае сказал: надобно, чтоб это дело шло так же скоро, как летает стрела”⁷⁴. Стрела, как символ власти и поддержки китайского императора была столь важна для претендентов на престол кагана, что Чуло-хан перехватил китайское посольство и отобрал стрелу, но посол “обманом освободился и добрался до Шегуя, который напал и разгромил Чуло-хана, и стал каганом западных тюрков⁷⁵.

Стрелы в качестве символов власти, посольских полномочий или угрожающих посланий сохранялись у кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии и в периоды развитого и позднего средневековья, хотя наряду с ними использовались и верительные бирки–пай-цзы китайского образца. Для усиления поражающей функции, стрелы украшали фигурными отверстиями⁷⁶. (Рис. 2, 4, 11).

По сведениям Г. Рубрука, великий монгольский хан Мункэ приказал “изготовить самый тугой лук, который едва могли натянуть два человека, и две стрелы, головки

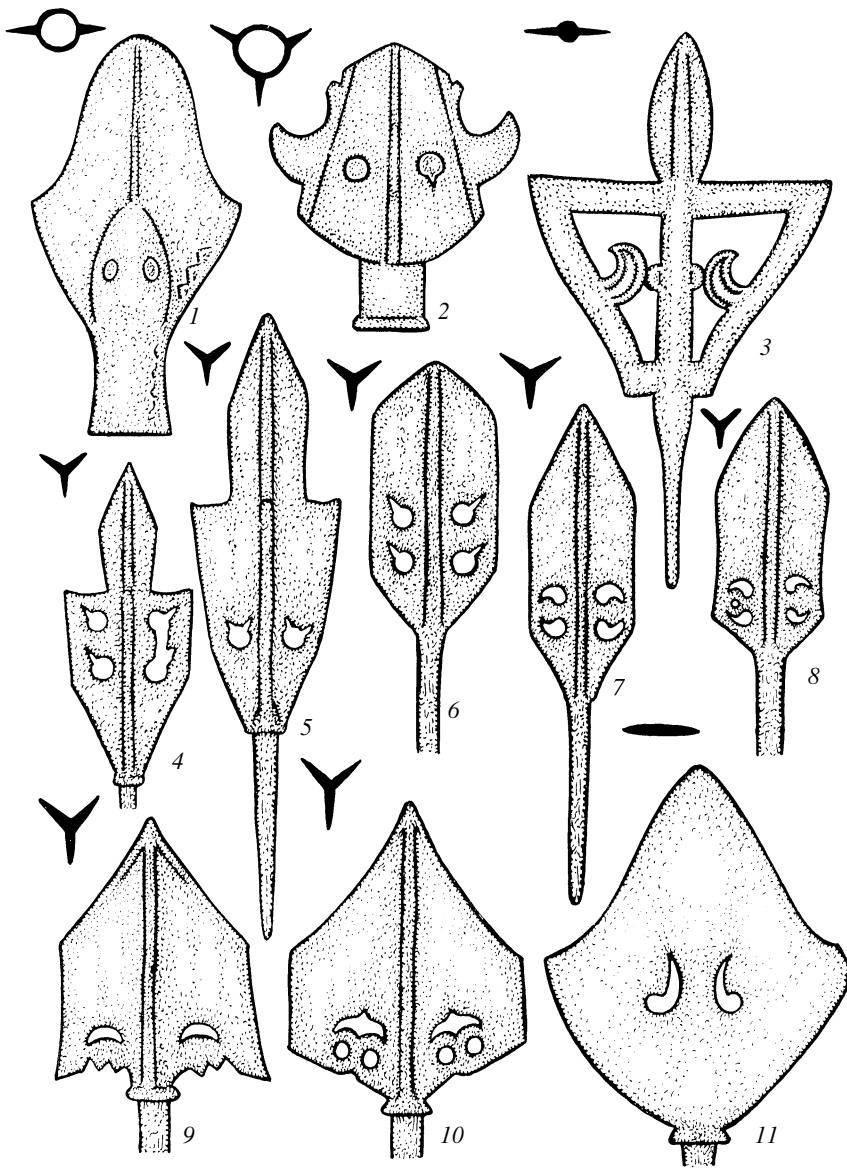

Рис. 2. Серебряные, позолоченные и железные стрелы с фигурными отверстиями средневековых кочевников: 1 – степной Алтай (Алтайский краеведческий музей); 2, 9, 10 – Енисей (по Худяков Ю.С., Ким С.А. Вооружение кыргызских кыштымов // Вопросы военного дела и демографии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Рис. 4–11; Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980. Табл. XXI – 3; Табл. XXII – 2); 3–11 – Забайкалье (по Худяков Ю.С. Коллекция железных наконечников стрел из Читинского музея // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. Рис. 1–1; Плотников Ю.А. О назначении отверстий в лопастях стрел // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001. Рис. 2–17); 4–8 – Притомье (по Худяков Ю.С. Стрелы Елькаевской коллекции // Кузнецкая старина. Вып. 1. Новокузнецк, 1993. Рис. 1, 3, 5, 8; Плотников Ю.А. Указ. соч. Рис. 1, 2, 9).

которых были серебряные и полные отверстий, так что, когда их пускали, они свистели, как флейты⁷⁷. Подобный серебряный втульчатый наконечник с полой боевой головкой с отверстиями и ступенчатыми лопастями найден в памятнике Часовенная Гора под Красноярском⁷⁸. Такой наконечник не мог использоваться для боевых целей, но мог служить символом власти или полномочий посла. (Рис. 2, 2).

К эпохе позднего средневековья относятся находки железных стрел вычурных форм с серебряной и золотой инкрустацией с Алтая и из Забайкалья⁷⁹. (Рис. 2, 1, 3). Такие “золоченые” стрелы могли служить в качестве символических посланий. Подобными “золочеными стрелами”, разосланными своим подданным, воспользовался хан Кучум, чтобы собрать войска при известии о появлении отряда Ермака⁸⁰. В XVII в. правитель енисейских кыргызов, князь Иренак посылал сибирским воеводам “стрелы с грозами”, т.е. с угрозами военных действий. Как отметил Л.П. Потапов, такие стрелы в руках посланцев Иренака означали, что российские владения подвергнутся вооруженным нападениям⁸¹.

В эпоху позднего средневековья стрелы, наряду с другими видами колющего и рубящего оружия, воспринимались кочевниками в качестве собирательного символа оружия.

В эпических произведениях тюркских и монгольских народов стрелы символизируют неотвратимость кары за нарушение произнесенной клятвы. Эпические персонажи в подтверждение своих клятвенных обещаний лизали острия наконечников стрел, в знак того, что за нарушение клятвы они будут поражены этими стрелами⁸².

У монгольских народов стрелы символизировали *сульдэ* – душу воинов или их небесного покровителя⁸³.

Судя по рассмотренным материалам, символическое значение стрел в представлениях древних и средневековых кочевых народов Центральной Азии не сводилось к культуре плодородия. Стрелы символизировали властные и посольские полномочия, оружие и угрозу его применения, использовались в обрядах охранительной магии.

Примечания

¹ Под Центральной Азией мы понимаем территорию Саяно-Алтая, Монголии, Забайкалья, Восточного Туркестана, Восточного Казахстана и Кыргызстана.

² Под Северной Евразией понимаются территории европейской части России, Сибирь и Дальний Восток.

³ *Веселовский Н.И.* Свистящие стрелы // Изв. Археологической комиссии. Вып. 30. СПб., 1909. С. 159.

⁴ Там же. С. 159. Пай-цзы – табличка (на дереве или другом материале), служившая пропуском (примеч. ред.).

⁵ *Веселовский Н.И.* Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // Зап. Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XXV. Вып. 1–4. Пг., 1921. С. 288.

⁶ *Веселовский Н.И.* Свистящие стрелы. С. 161.

⁷ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 46.

⁸ *Карцов В.Г.* Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929. С. 48.

⁹ *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 42–43.

¹⁰ Там же. С. 150.

¹¹ *Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев, 1981. С. 123.

¹² *Бутанаев В.Я.* Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 192–194.

¹³ *Соенов В.И.* Обзор вооружения и военной тактики кочевников Алтая в XIII–XVIII вв. по материалам героического эпоса // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 179–180.

¹⁴ *Михайлов В.А.* Оружие и доспехи бурят. Улан-Удэ, 1993. С. 16–25.

¹⁵ *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. С. 65, 69–77.

¹⁶ Там же. С. 76.

¹⁷ *Бородовский А.П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). Новосибирск, 1997. С. 123.

¹⁸ *Кочев В.А.* Знаки на стрелах (к вопросу о назначении тамгообразных знаков на костяных наконечниках стрел из курганов Горного Алтая скифского времени) // Проблемы изучения культурно-исторического населения Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 59.

¹⁹ *Вайнштейн С.И.* Памятники второй половины I тысячелетия н.э. в Западной Туве // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М.; Л., 1966. С. 324. Рис. 16, 17, 39; *Он же.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. // Там же. Т. 3. Л., 1970. С. 78. Рис. 51, 4.

²⁰ *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников... С. 150.

²¹ *Худяков Ю.С.* Коллекция железных наконечников стрел Читинского музея // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 137.

- ²² Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 73.
- ²³ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. С. 29.
- ²⁴ Плотников Ю.А. О назначении отверстий в лопасть стрел // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001. С. 80–90.
- ²⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М.; Л., 1941. С. 559.
- ²⁶ Там же. С. 212.
- ²⁷ Кызласов И.Л. Ранние формы осознанного воздействия человека на природные силы // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988. С. 143–166; *Он же*. Камень дыроватый (символика пещерных святилищ и культовой стрельбы из лука) // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 37–50.
- ²⁸ Кызласов И.Л. Ранние формы... С. 145.
- ²⁹ Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Сов. этнография. 1982. № 2. С. 87.
- ³⁰ Кызласов И.Л. Камень дыроватый... С. 40.
- ³¹ Там же. С. 41.
- ³² Кызласов И.Л. Ранние формы... С. 152, 154.
- ³³ Там же. С. 149, 154.
- ³⁴ Там же. С. 154, 155.
- ³⁵ Там же. С. 156.
- ³⁶ Кызласов И.Л. Камень дыроватый... С. 40, 41.
- ³⁷ Там же. С. 45, 46.
- ³⁸ Там же. С. 43–46.
- ³⁹ Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. Охота среди скал (древние и современные петроглифы Джурмала) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: археология и этнография. 1999. № 3. С. 69; *Они же*. Оружие, достойное мужчин (по материалам петроглифики Алтая и сопредельных территорий) // Там же. № 3. 1999. С. 53–56.
- ⁴⁰ Худяков Ю.С. “Стрелы любви” или “стрелы с грозами” // Международная конференция по первобытному искусству. Тезисы докладов. Кемерово, 1998. С. 52–54.
- ⁴¹ Шевченко Ю.Ю. “Символика” пещер // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001. С. 72–73.
- ⁴² Дервянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск, 1994. С. 128–132, 133, 135.
- ⁴³ Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980. С. 85.
- ⁴⁴ Там же. С. 87.
- ⁴⁵ Дервянко А.П., Молодин В.И. Указ. соч. С. 132–134.
- ⁴⁶ Там же. С. 135.
- ⁴⁷ Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск, 1987. С. 112.
- ⁴⁸ Кызласов И.Л. Камень дыроватый... С. 44.
- ⁴⁹ Там же. С. 42–43.
- ⁵⁰ Ларичев В.Е. Святилище созвездия Малая Медведица // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1992. Рис. 3.
- ⁵¹ Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск, 1979. С. 86.
- ⁵² Кызласов И.Л. Камень дыроватый... С. 41.
- ⁵³ Там же. С. 45–46.
- ⁵⁴ Худяков Ю.С. “Стрелы любви” или “стрелы с грозами”... С. 53.
- ⁵⁵ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 67.
- ⁵⁶ Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981. С. 235, 237; Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 7.
- ⁵⁷ Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977. С. 125–128; Черненко Е.В. Указ. соч. С. 114.
- ⁵⁸ Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев, 1984. С. 102.
- ⁵⁹ Там же. С. 90.
- ⁶⁰ Черненко Е.В. Скифские лучники. С. 99.
- ⁶¹ Там же. С. 9.
- ⁶² Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. Рис. 2, 11, 1; Рис. 4, 11, 13–15.
- ⁶³ Волков В.В. Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР // Монгольский археологический сборник. М., 1962. Рис. 3, 16–18.
- ⁶⁴ Бородовский А.П. Указ. соч. С. 123; Кочев В.А. Указ. соч. С. 59.
- ⁶⁵ Устное сообщение Г. Парцингера.
- ⁶⁶ Черненко Е.В. Скифские лучники. С. 25
- ⁶⁷ Там же. С. 101.
- ⁶⁸ Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 195.
- ⁶⁹ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 46.

⁷⁰ Там же. С. 47.

⁷¹ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... С. 78, 99.

⁷² Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 229–230.

⁷³ Там же. С. 286.

⁷⁴ Там же. С. 282.

⁷⁵ Там же. С. 282–283.

⁷⁶ Плотников Ю.А. Указ. соч. С. 87.

⁷⁷ Липец Р.С. Указ. соч. С. 72.

⁷⁸ Гаврилова А.А. Указ. соч. С. 73.

⁷⁹ Худяков Ю.С. Коллекция железных наконечников... С. 137.

⁸⁰ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 559.

⁸¹ Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 46.

⁸² Липец Р.С. Указ. соч. С. 77.

⁸³ Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997. С. 83–85.

Yu.S. Khudiakov. On Symbolism of Arrows by Ancient and Medieval Central Asian Nomads

Arrows' symbolism by ancient and medieval Central Asian nomadic cultures is the object of the author's analysis. The wide range of contemporary views on bronze, bone, iron, and silver arrow tips of the Bronze Age, Scythian and Hun periods, as well as of the early and late Middle Ages are taken into consideration. Arrow tips were often marked with symbols inlaid in gold or silver. Similar arrow symbols were bearing different signs functions, depending on the addressee (a friend or an enemy). Arrows could function as symbols of land lord or ambassadorial authorities, or as a threat, and were used in protective magic ceremonies.